

Ощущаю ностальгию по нормальным чувствам

Культура. — 2004. — 12-18 февр. — с. 11

Елена ИСАЕВА — московский поэт и драматург. Автор пьес "Мой знакомый уголовник", "Абрикосовый рай, или Сказка о женской дружбе", "Юдифь", "Счастливый Моцарт", "Инфернальная комедия".

В конце 2003 года на Всероссийском конкурсе "Действующие лица" ее пьеса "Про мою маму и про меня" получила первую премию.

Е. Исаева

— Елена, вы часто подчеркиваете, что вы прежде всего — поэтесса. Тем не менее предлагаю поговорить о драматургии и театре. А начнем с пьесы "Про мою маму и про меня". Она автобиографическая?

— Более чем.
— То есть? Куда — более?
— Это почти дословные наши с мамой разговоры... Наверное, я не зря освоила нашушевшую драматургическую технику "вербатим", пришедшую к нам из лондонского Royal Court Theatre. Эта пьеса — практически интервью с самой собой. Воспоминания детства и отрочества, реалий далеких 1980-х, атмосферы жизни, которая утрачена и невозвратима. Но все происходило так, как в пьесе запротоколировано: мамы фразы и фразочки, поступки и неопуступки.

— Видимо, ностальгируете не только вы, если жюри "Действующих лиц" присудило первую премию вашей пьесе?!

— Для меня это было большое удивление. Признаться, я участвовала в конкурсе, не очень надеясь на результат, но подумала, что пьесу

прочтут театральные люди, а то будет лежать — никого читать не упростишь. Приятно, что среди огромного количества представленных работ обратили внимание именно на мою. Оказалось, что она — в яблоко. Ни наркомания, ни инцест, ни прочее такое, а просто повседневная жизнь девочки и мамы. Кажется, в наше общество возвращается ностальгия по нормальному человеческим чувствам. Этому я несказанно рада. Может, скоро и сами чувства в обществе вернутся.

— Ваша пьеса — некое обнажение перед зрителем, читателем. Вы считаете, что это правильно?

— Я считаю, что вполне допустимы и другие творческие методы, но у меня иначе не получается. Пока душу наизнанку не выверну, не могу добиться нужного творческого результата. Быть искренним трудно даже перед собой. А вообще, пока человек

имеет уязвимые места, его можно считать живым.

— Вы работаете в традиционном реалистическом русле. Вам не страшно, что все о вас будут все знать?

— Не страшнее, чем какому-нибудь авангардисту, или модернисту, или постреалисту и так далее. Видите ли, по произведению можно понять о его создателе если не все, то почти все. Просто в реализме фигурируют подробности реальной жизни, вполне узнаваемой, а в других случаях этого нет. Поэтому я "обнажилась", как вы говорите, не более, чем другие. К тому же в пьесе нет ничего такого, что бы мне хотелось скрыть.

— А вообще — есть?

— У каждого есть в судьбе болевые моменты, о которых он говорить не любит.

— Но они прорываются в произведение?

— Конечно. С точки зрения творчества такие скрытые переживания необходимы, потому что воспоминания, с ними связанные, внутренние размышления на этот счет — все это дает энергию для художественного акта, для перенесения из области незримого в действительности: в стихи, пьесы. Чем больше переживаний, тем для художника лучше, а для человека — хуже. Художник всегда является суммой рефлексий. Но говорить напрямую не обязательно. Поэтому, когда я хочу изъясняться метафорами, я пишу трагедии в стихах. Так появились пьесы "Юдифь", "Давид и Вирсавия".

— А кого вы считаете своими учителями в драматургии, кому благодарны?

— Я очень благодарна Михаилу Михайловичу Рошину, он первый когда-то оценил "Юдифь" и порекомендо-

вал ее на фестиваль "Любимовка". Очень благодарна Алексею Николаевичу Казанцеву, в Центре которого шли почти все мои пьесы. Отдельная благодарность Театру.doc. Я благодарна этой маленькой полуподвальной площадке на сорок мест, потому что она позволяет дышать творческой жизни и проверять себя, свой текст — в руках режиссеров и актеров. А может ли быть большее счастье, чем счастье воплощения?

Если же обобщать, то, пожалуй, я училась на всей хорошей литературе — и нашей, и западной. Впрочем, плохая тоже учит — как не надо писать. Так и живу — по зернышку.

— В Театре.doc пьесу "Про мою маму и про меня" уже поставили?

— Да, недавно. И я счастлива, потому что там заняты актрисы, которых очень люблю, — Диана Рахимова и Елена Морозова. Нас связывает давняя дружба, и не только театральная.

— То есть спектаклем вы довольны?

— По-моему, более адекватного прочтения ожидать невозможно. Даже узнаю в героине именно себя. Такая добрая пародия. Эти актрисы меня невероятно тонко чувствуют и понимают. Не только на уровне сюжета, но точно угадывают такую частую упускаемую актерами вещь, как ритм текста. Это странная штука, но от нее никуда не деться, природу языка не обмануть.

— А что вообще происходит с театром? Куда он движется?

— Наверное, надо разграничить два понятия: театр и Театр. "Хорошо сделанная пьеса" будет продолжать жить своей жизнью, как это происходит многие десятки лет. Что же касается Театра в высоком смысле слова, где происходят поиски нового, по-

пытки нащупать другой театральный язык, то мне кажется, что здесь основное направление — это авторский театр, предельно откровенный, искренний голос, говорящий о самом-самом напрямую. В таком театре сломана четвертая стена, обсуждаются самые сложные для зрителя вопросы.

— А вам не кажется, что в России есть драматургии (писатели), но нет драматургии (литературы)... или есть?

— У нас как раз всегда была обширная драматургическая литература, и только совсем недавно ее наконец перестали бояться и начали ставить. Современную, я имею в виду. До этого пьесы изучались исключительно как тексты. По ним писались работы, защищались дипломы, диссертации. Только сценической жизни они не имели. Слава Богу, что существуют такие подвижники, как, например, Маргарита Ивановна Громова — преподаватель Университета культуры.

Ее студенты очень серьезно изучают современную драму. Не дают пьесам зачухнуть неоцененными и непереработанными. Я говорю именно про язык, потому что театральные критики, как правило, обсуждают не пьесы, а спектакли. Драматургическая литература развивается быстрее театра — это нормально, это правильно.

— Какая режиссура вам нравится? Почему?

— Мне нравятся те режиссеры, которые "не загораживают" текст своими изысками. Режиссеры, у которых форма не доминирует над содержанием, а органично с ним существует. Перед такими я снимаю шляпу. К ним, по-моему, относятся Владимир Агеев, Вадим Данцигер, Александр Великовский.

— Над чем сейчас работаете?

— Пьес не пишу, потому что работаю на телесериале "Бедная Настя". Если смотрите, знаете: огромное телевизионное полотно — кинороман. Реклама в метро висит.

— Для денег?

— Если бы мне эту работу делать не хотелось, я бы не стала даже для денег. Надо быть осторожной. Для меня работа на этом сериале просто новый опыт. Ведущий автор — американская сценаристка Лиза Сейдман. У нас знают ее сериалы "Она написала убийство", "Даллас". Очень интересно постигать, как литературное творчество, порывы и полеты вписываются в строгие рамки ежедневного и отлаженного производства.

— Вы считаете, нам есть чему поучиться у американцев?

— А вы смотрите их фильмы и считаете, что нечему? Учиться никогда не вредно. Другое дело, что хочется, конечно, пойти дальше, сделать лучше.

— Работы каких отечественных современных драматургов вам наиболее интересны?

— Мне очень интересен Максим Курочкин. Его в основном знают как автора "Кухни", поставленной Олегом Меньшиковым, но у него есть много других прекрасных пьес, которые еще ждут своих режиссеров. В то же время очень интересен его однокашник по Литинституту Александр Коровкин, совсем другой — реалист, комедиограф, "певец" современной деревни. После Владимира Гуркина таких больше нет, пожалуй. Очень талантлив питерский драматург Александр Железцов.

Особое место занимает Михаил Угаров, которому удалось реально соединить две профессии — драматурга и режиссера. А то ведь многие

режиссеры и актеры считают себя писателями — что, мол, это за текст, мы тут сейчас все перепишем, станет лучше. Пишут все, кому не лень. Но мало у кого что-то путное получается, потому что главная беда современного театра — неумение работать с текстом.

— А если говорить о женской драматургии?

— Я не считаю, что драматургия делится на женскую и мужскую. Просто в трудной ситуации, когда драматургия перестала кормить, женщины оказались более стойкими, более верными профессии, поэтому кажется, что женщин в драматургии больше. Пьесы делятся на "хорошие" и "плохие", так что гендерное деление не подходит. Все мы — сообщающиеся сосуды, а драматургии, мне кажется, самые дружные среди прочих писателей. Коллективизм театра наложил на них свой отпечаток. Я этому рада. Конечно, кто-то мне более интересен, кто-то — менее. Люблю пьесы Елены Греминой, Ольги Михайловой. Это те, кто всегда протягивал руку помощи — и творчески, и человечески. Очень люблю свое поколение: Ксению Драгунскую, Ольгу Мухому, Екатерину Нарши. Пусть даже магия языка для них превыше магии действия, их пьесы читаешь как стихи.

— "Как стихи" — это все же одно, а пьесы в стихах — другое. В каких случаях вы прибегаете к поэзии в драматургии?

— Пишу в стихах, когда ясно, что прозой об этом не скажешь. Но вы понимаете, что сценическая судьба пьес в стихах гораздо более сложная и печальная. Завлечены прямо говорят: "Спасибо, не надо", даже не читая. Есть мнение, что школа поэтиче-

ского театра безвозвратно утрачена, с актерами сложнее возиться, заставляя их "рифму держать".

Мне-то, наоборот, кажется, что стихотворную пьесу играть легче. Внутри текста заложен ритм, который легко найти. Он — скелет, на который можно нарастить любую фантазию режиссера. В прозаических пьесах ритм сложнее нащупать. Неудачный спектакль — тот, в котором неправильно задан ритм текста, хотя вроде все — саспенс, кульминация, катарсис — где надо расположено. Зритель, может, и не поймет, что не так, но внимание утратит.

— Кто для вас идеальный зритель?

— Мой идеальный зритель меня интересует не по возрасту, полу и профессии, а по его душевным качествам, по готовности воспринимать новое.

— Вы же изначально — поэтесса. Есть стихи про театр?

— Конечно. Как же без стихов?.. А впрочем, ребята, вы знаете, я не пою.

Но давайте, ребята, выпьем за сцену эту,

На которой, когда вы стоите, а я смотрю,

То мне кажется, лучшего места на свете нету.

И еще, ребята, за ваш, за высокий труд —

Сквозь болезни, обиды, долги, суету, измены —

За слова и поступки, которые нам не врут,

И за то, чтобы мы никогда не сошли со сцены!

Беседу вел
Александр ГЕРАСИМОВ
Фото автора